

Умер Ричард Аведон

КОММЕРСАНТ. - 2004. - 4 ОКТЯБРЯ. - С. 28

некролог

1 октября на 82-м году жизни скончался великий американский фотограф Ричард Аведон. Последней, так и не законченной его работой стала серия для журнала New Yorker «За демократию». Исколесив полстраны, снимая политиков и их избирателей, месяц назад он вынужден был остановиться в Сан-Антонио (Техас). Тогда у него произошло кровоизлияние в мозг. Так, в политической суете умер самый несуетный фотограф XX века.

Можно сказать, что Ричард Аведон был одним из самых известных фотографов в мире моды. Можно сказать, что он является подлинным автором Синди Кроуфорд, Иман, Наоми Кэмпбелл в том виде, в каком они стали богинями гламура. Можно сказать, что он открыл формулу идеальной минималистской фотографии, которую до сих пор вовсю используют рекламисты и модные журналы. Все это правда, но в историю искусства Ричард Аведон — удачливый, модный, востребованный на все 100% — вошел прежде всего как гениальный портретист.

Первым это понял Анри Картье-Брессон, который еще в 1959 году напророчил 36-летней звезде Harper's Вазааг: «Твои глаза с такой пронзительностью наблюдали за любопытными и удивительными людьми, которых ты фотографировал, что люди эти стали обитателями целого мира — мира Аведона». Тогда же под этим фактически подписался Трумэн Капоте, чей текст сопровождал первый альбом Аведона «Observations», потом об этом заговорят все. И все это увидят: персональные выставки Аведона по всему миру — это, во-первых, выставки его портретов и только во-вторых — выставки модной фотографии. И даже последняя громадная ретроспектива в музее Metropolitan в Нью-Йорке в 2002 году была исключительно портретной ретроспективой. Она подводила итоги не столько творческой жизни художника (он еще вовсю работал), сколько эпохи, которую мы давно уже видим глазами Аведона. Один критик назвал его работы «ментальной мебелью», а другой продолжил: «Он обставил нашу память, сформировав ту галерею знаменитостей, без которой не существовало бы современной культуры».

Наша память оказалась обставлена образами, созданными типичным нью-йоркером, родившимся и, за исключением многочисленных парижских вылазок, почти всю жизнь прожившим в Нью-Йорке мальчиком из семьи еврейских выходцев из России. Для таких мальчиков не было в 20-е годы места лучше, чем Нью-Йорк, и Аведон взял от него все, что тот мог дать. В 10 лет он фотографировал соседей — ближайшим соседом оказался Сергей Рахманинов. Он учился в Колумбийском университете; хотел быть поэтом, стал фотографом, снимавшим поэтов; был призван в армию, но уцелел, оказавшись в торговом флоте; к 1958-му входил уже в десятку лучших фотографов мира, был вхож в лучшие журналы и лучшие дома. В Нью-Йорке лучшим домом была знаменитая «Фабрика» Энди Уорхола, хозяин и герои которой во множестве появятся вскоре на снимках Ричарда Аведона. Еще там будут Мерилин Монро, президент Эйзенхауэр, Эзра Паунд, Игорь Стра-

винский, Иосиф Бродский, Луи Армстронг, Настасья Кински и еще десятки знаменитостей и сотни «случайных» людей, ставших полноправными участниками той галереи благодаря камере Аведона.

Ранние работы и некоторые фотосессии в модных журналах доказывают, что вообще-то Ричард Аведон мог снимать как угодно. Ему, королю черно-белой фотографии, не чужд был цвет. Он далеко не всегда отказывался от вычурных постановочных поз. Он мог вполне сойти за высококлассного репортера. И даже нейтральный фон, незыблемая, казалось бы, составляющая его фотографий, мог быть уничтожен ради нужного фотографу эффекта. Неизменно только одно — внимание художника к лицу человека. Любого человека. На многие его портреты больно смотреть: так мы видим только очень близких людей, и акт этот бывает чрезвычайно драматичен. Смотреть на портреты Аведона бывает трудно: в них почти нет защищающей модель от мира улыбки. Наоборот — грусть, уныние, страх, боль, тоска, одиночество. Сниматься у Ричарда Аведона явно некомфортно, как вообще-то не слишком комфортно и жить.

Его Дуайт Эйзенхауэр уходит в белый фон, как в небытие. Его Уистен Оден одинок, как бывает одинок человек в заснеженном большом и холодном городе. Его Энди Уорхол — это шрам на животе художника. Его Уильям Берроуз пытается спрятаться за рамку кадра. Его Трумен Капоте готов съесть каждого, кто посмеет обратиться к нему с вопросом. Аведон умел перебить даже несмываемую улыбку королевской вежливости. Рассказывали такой анекдот. Он приехал к Симпсонам, знаменитым супругам, бывшему королю и его жене-американке, и те все время улыбались. И тогда Аведон был вынужден соврать, что по дороге к ним его машина переехала собаку. В этот момент у них вытянулись лица, они хотели посочувствовать собаке. Тут Аведон их и щелкнул. Результат можно увидеть в любом альбоме Аведона.

Про метод Ричарда Аведона очень много писали еще при жизни. Великий американский критик Гарольд Розенберг называл его самого редуccionистом — тем, кто в своем искусстве отсекает и любую мишуру, и все несущественные элементы, а его манеру — «лаконичностью перфекциониста». Многозначительный Ролан Барт сравнивал взгляд Аведона-фотографа по точности с ударом молнии. Сейчас о нем будут писать еще больше. Но год, который унес его жизнь (как и жизнь еще двух великих фотографов — Хельмута Ньютона и Анри Картье-Брессона), войдет в историю датой, обозначившей конец искусства фотографии XX века.

КИРА ДОЛИНИНА